

© 2005 г.

Памятники и люди. ГМИИ им. А.С. Пушкина. М.: Восточная литература, 2003. 454 с. Илл.

Выход в свет рецензируемой книги – событие, которого ее авторы и многие востоковеды ждали очень долго. Хотя формально ее появление оказалось приурочено к исполнившемуся в 2003 г. 90-летию поступления в Музей изящных искусств коллекции В.С. Голенищева – крупнейшего массива его восточного собрания, работа над ней была начата еще в середине 1990-х годов и, насколько нам известно, завершена в рукописи несколько лет назад¹. Можно сказать, что уже на протяжении рукописного «бытия» этой книги сама жизнь корректировала ее содержание, заставив прибавить к ней некоторые сюжеты, – прежде всего очерк о скончавшемся в 2000 г. О.Д. Берлеве. Теперь, когда эта книга наконец опубликована, она становится важным источником сведений об истории восточной коллекции ГМИИ и о людях, которые были связаны с ней на протяжении всего XX в., источником тем более ценным, что в значительной мере книга основана на документальных архивных материалах².

Появление сборника «Памятники и люди» кажется симптоматичным в свете нескольких тенденций, проявившихся в отечественном востоковедении в 1990-е годы и в настоящее время. Прежде всего, мы имеем в виду появление двух крупных мемуарных публикаций Б.Б. Пиотровского и И.М. Дьяконова, в определенной мере повысивших интерес к обстановке, в которой происходило развитие отечественного востоковедения в 1920–1950-е годы³; заметим,

¹ Достаточно сказать, что публикации, основанные на материалах, которые были собраны в ходе работы над этим изданием одним из его авторов, О.В. Томашевич, регулярно появляются в течение уже нескольких лет в различных изданиях; см. *Томашевич О.В.* Слово о Владимире Викентьеве (по материалам Архива ГМИИ им. А.С. Пушкина) // *Древний Египет: язык – культура – знания*. По материалам египтологической конференции 12–13 марта 1998 г. М., 1999 (далее – *Древний Египет*). С. 255–285; *она же.* Объяснение в любви: вместо послесловия // *Тураев Б.А.* Бог Тот. Опыт исследования в области древнеегипетской культуры. СПб., 2002. С. 315–388 (биографический очерк о Б.А. Тураеве); *Томашевич О.В., Флоренский П.В.* Накануне... // *Культурное наследие Египта и христианский Восток. Материалы международных научных конференций*. М., 2002. С. 281–292 (о переписке В.М. Викентьева и о Павла Флоренского в 1916–1919 гг.); ср. также *Соловьева С.С.* Загадка монограммы «W» // *Древний Египет*. С. 247–254 (о спорадической переписке В.М. Викентьева и В.И. Авдиева в 1920–1930-е годы – сюжете, который также нашел отражение в очерке того же автора, помещенном в рецензируемой работе).

² Самому начальному этапу истории голенищевской коллекции в стенах ГМИИ – ее приобретению государством и передаче в Музей на этапе его основания И.В. Цветаевым и при больших усилиях Б.А. Тураева – посвящена известная публикация документальных материалов, в подготовке которой принял участие О.Д. Берлев: «Выдающийся русский востоковед В.С. Голенищев и история приобретения его коллекции в Музей изящных искусств (1909–1912)». М., 1987 (из архива ГМИИ, 3). Материалы этого издания учитывались авторами рецензируемой книги, которую отчасти можно считать его продолжением. См. также *Демская А.А., Смирнов Л.М.* Государственный музей изобразительных искусств им. А.С. Пушкина: история создания музея в переписке профессора И.В. Цветаева с архитектором Р.И. Клейном и других документах (1896–1913). М., 1977.

³ *Пиотровский Б.Б.* Страницы моей жизни. СПб., 1995; *Дьяков И.М.* Книга воспоминаний. СПб., 1995. Некоторые фрагменты бесед с Ю.Я. Перепелкиным, имеющие, по сути дела, мемуарное значение, включены в очерк А.Л. Вассоевича об этом выдающемся египтологе (здесь, впрочем, мы вынуждены полагаться на добросовестность автора очерка, к которому соответствующие сообщения Ю.Я. Перепелкина были в свое время обращены): *Вассоевич А.Л.* О Юрии Яковлевиче Перепелкине и его научных открытиях // *Перепелкин Ю.Я.* История Древнего Египта / *Общ. ред., вступ. ст. и комментарии А.Л. Вассоевича*. СПб., 2000. С. 5–54. Интересным, хотя и не имеющим, по нашему мнению, прямого отношения к мемуаристике опытом публикации ненаучного наследия одного из лидеров отечественного востоковедения середины XX в. стало издание в 1998 г. лирики В.И. Авдиева: *Авдиев В.И.* Лирика. К столетию со дня рождения. М., 1998.

что именно этому периоду посвящено большинство очерков рецензируемого сборника, подробно обоснованных архивными материалами. Далее, анализу этой обстановки был посвящен целый ряд публикаций по историографии и истории науки, причем некоторые из них так или иначе коснулись сюжетов и персоналий, фигурирующих в рецензируемой книге⁴. Наконец – и этот аспект представляется особенно любопытным – постсоветский период стал временем настоящего бума изданий, связанных с русским «серебряным веком», в том числе с самым его излетом, пришедшим на первые годы советской власти и отмеченным поляризацией среды деятелей культуры в связи с отношением к новому режиму. Мы имеем в виду не только обширный раздел рецензируемой книги, посвященный В.К. Шилейко (с. 62–108) и его участию в цехе поэтов-акмеистов⁵, но и то, что, как мы постараемся показать ниже, некоторые события и повороты человеческих судеб конца 1910–1920-х годов, отраженные в сборнике «Памятники и люди», вряд ли могут быть правильно поняты без учета духовной обстановки этого времени в целом. Нельзя сказать, что все перечисленные аспекты, которые, по нашему мнению, образуют контекст рецензируемой книги, были в полной мере учтены ее авторами, однако ее содержание предоставляет материал для наблюдений именно в связи с ними.

Структурно сборник «Памятники и люди» состоит из трех частей. Первая часть – это обширный очерк истории восточной коллекции ГМИИ им. А.С. Пушкина и занятого ее хранением отдела (затем – сектора) Востока, охватывающий период с основания Музея по сегодняшний день (с. 3–61). Вторая и наиболее обширная часть – это разделы, посвященные персоналиям тех, кто работал с восточной коллекцией Музея в течение всей ее истории (от исследователей уровня Тураева и Шилейко до некоторых рядовых технических работников) (с. 62–321). Третья часть – это подборка документов из архива ГМИИ, относящихся к работам отдела (сектора) Востока на протяжении всего рассмотренного времени (с. 322–427) (в нескольких случаях – № 3–4 и 59–61 – их подлинники находятся соответственно в архиве Государственного Эрмитажа и Государственном архиве Российской Федерации). Наконец, в конце сборника помещены материалы по библиографии восточной коллекции ГМИИ (с. 428–452). Около половины очерков, вошедших в сборник, написаны нынешним заведующим сектором Востока ГМИИ С.И. Ходжаш; остальные очерки – ее коллегами по сектору Востока (О.П. Дюжевой, В.В. Смоленковой), сотрудниками исторического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова (Н.М. Никулиной, О.В. Томашевич, С.С. Соловьевой) и другими исследователями (в том числе Вяч. Вс. Ивановым и Б.Я. Стависким).

Переходя к анализу отдельных разделов сборника, следует отметить, что в общем очерке истории Отдела Востока ГМИИ живые воспоминания и впечатления С.И. Ходжаш (о директоре Музея в послевоенный период С.Д. Меркурове – с. 24–27, о раскопках урартских археологических комплексов в Армении – с. 28–37 и др.) сочетаются с тщательной фиксацией основных этапов комплектования восточной коллекции Музея в «послеголенищевский» период: ее пополнение за счет восточных коллекций бывших Румянцевского музея и Музея при Строгановском училище, на некоторое время оказавшихся в распоряжении Музея-института классического Востока; собраний Н.П. Лихачева и А.В. Живаго и менее известных частных коллекций, приобретенных уже в 1980-е годы (см. с. 47); памятников, обнаруженных в ходе раскопок ГМИИ в Армении и Советской археологической экспедиции во главе с Б.Б. Пиотровским в ОАР; приобретения единичных памятников у частных лиц и др. Может быть, стоило бы несколько подробнее сказать о самом начальном периоде ее формирования – о собрании музея при Московском

⁴ Алпатов В.М. История одного мифа: Марр и марризм. М., 1991; Актуальные проблемы изучения истории советского востоковедения. Сб. ст. / Отв. ред. В.М. Алпатов. М., 1997; Незвестные страницы отечественного востоковедения. Сб. ст. / Сост. В.В. Наумкин. М., 1997; Шаститко П.М., Скворцова Н.И. Отечественное востоковедение после второй мировой войны // Восток. 2000. № 5. С. 92–108 (среди прочего в данной публикации подробно освещена роль В.И. Авдиева в реорганизации Института востоковедения АН СССР в 1950 г.); Томазишвили А.О. Ссылаясь на Сталина... (К мифологизации роли политического руководства СССР в развитии отечественного востоковедения) // Восток. 2000. № 6. С. 88–100. Естественно, данный перечень публикаций не является исчерпывающим, в непосредственной связи с историей египтологии в советское время необходимо отметить очерки, включенные в недавние переиздания работ М.А. Коростовцева и В.В. Струве издательством «Летний сад»: Четверухин А.С. Секрет привлекательности древнеегипетской культуры // Коростовцев М.А. Писцы древнего Египта. СПб., 2001. С. 339–366; Вассоевич А.Л. В.В. Струве и «Египетская история» Манефона // Струве В.В. Манефон и его время. СПб., 2003. С. 5–54. Подробный очерк истории ленинградского востоковедения в советское время можно найти в издании: Азиатский музей-Ленинградское отделение Института востоковедения АН СССР. М., 1972.

⁵ См. также Шилейко В. Последняя любовь. Переписка с Анной Ахматовой и Верой Андреевой и другие материалы. М., 2003 (публикация материалов, существенная в том числе и в связи с историей ГМИИ).

университете, который существовал еще с 1890-х годов (см. прим. 2). Особое (и вполне оправданное) внимание уделено подготовке научных изданий памятников египетской и коптской коллекций (которых не было бы без участия О.Д. Берлева и А.И. Еланской), а также выставки древнеегипетских памятников из местных музейных собраний СССР (1991 г.) и выставки из собрания ГМИИ «Путь к бессмертию» (2002 г.), предшествовавших двум из этих изданий (с. 48–55)⁶. Интересны – в первую очередь для музейных работников, но, по сути дела, и для всех желающих узнать об их чисто профессиональных «секретах» – странички очерка С.И. Ходжаши, обращается к некоторым чисто «производственным» вопросам подготовки новой экспозиции восточных залов ГМИИ в 1960-е годы (с. 42–47). В целом можно сказать, что ни один сколько-нибудь существенный эпизод в истории восточной коллекции ГМИИ не был в данном очерке упущен.

Вторая часть сборника, посвященная персоналиям тех, кто был связан с восточной коллекцией ГМИИ на протяжении XX в., открывается подготовленным Вяч.Вс. Ивановым обширным материалом о В.К. Шилейко. Чрезвычайно удачен «Очерк творчества В.К. Шилейко», в котором анализ его шумеро- и ассириологического наследия проводится в тесной связи с его творчеством поэта-акмеиста (с. 62–81). Вяч.Вс. Иванов обратил внимание на такие малоизвестные аспекты исследований Шилейко, как его вклад в изучение текстов Протописьменного периода (с. 65), его суждения о древнеегипетской религии (с. 75), работа с малоазиатскими, в том числе хеттскими, памятниками (с. 75–76). Проанализирован вклад Шилейко в разработку принципов просодии переводов месопотамских стихотворных произведений (с. 69; см. также публикацию перевода Шилейко VI таблицы «Эпоса о Гильгамеше – с. 102–108 и ср. с более поздними разработками И.М. Дьяконова, также не чуждого поэтическому творчеству и учитывавшего опыт своего предшественника⁷) и, вместе с тем, влияние формы и общего настроения этих произведений на авторскую лирику самого В.К. Шилейко и на творчество А. Ахматовой (с. 70–73). В целом очерк Вяч.Вс. Иванова позволяет сделать вывод о влиянии В.К. Шилейко на последующее развитие исследований по древней Месопотамии, причем не только в нашей стране, но и за ее пределами (см. с. 67: о вероятном влиянии перевода «Гильгамеша» Н.С. Гумилева, изданного в 1918 г. с «Введением» Шилейко – с. 85–89, на работы английского исследователя героического эпоса Боура)⁸. За вводным очерком следует публикация нескольких статей В.К. Шилейко, увидевших свет в научной периодике 1920-х годов, но дополненных Вяч.Вс. Ивановым по материалам архива ГМИИ (одна из них – «Текст предсказания Саргона Аккадского и его отголоски у римских поэтов» – была переведена для рецензируемого издания с немецкого языка: с. 95–101⁹). Анализируя такого рода публикации, порой рискуешь попасть в трудное положение ввиду того, что пиетет перед заслугами того или иного исследователя прошлого не компенсирует жестокого морального старения его работ. С этой точки зрения отбор работ Шилейко для публикации в сборнике «Памятники и люди» нельзя не признать удачным: общая для них постановка проблемы – выявление отдаленных параллелей к зафиксированным в письменной традиции месопотамским ритуалам в инокультурной традиции (в античных текстах: см. уже названную работу о предсказании Саргона и статью «Мес и Солнце» – с. 90–94; в славянской ритуальной практике, известной по данным фольклора: «Родная старина» – с. 82–84) – может считаться вполне актуальной и сегодня. Принципиально важен вывод В.К. Шилейко о том, что данные параллели не могут быть случайными и должны объясняться единством

⁶ *Hodjash S.I., Berlev O. The Egyptian Reliefs and Stelae in the Pushkin Museum of Fine Arts. Moscow-Leningrad, 1982* (реу.: *Большаков А.О.* // ВДИ. 1986. № 1. С. 159–162); *Elanskaya A.I. Coptic Literary Texts of the Pushkin State Fine Arts Museum in Moscow. Budapest, 1991* (*Studia Aegyptiaca*, 13); *eadem. The Literary Coptic Manuscripts in the A.S. Pushkin Fine Arts Museum in Moscow. Leiden-New York-Köln, 1994*; *Berlev O., Hodjash S. Catalogue of the Monuments of Ancient Egypt. From the Museums of the Russian Federation, Ukraine, Bielorrussia, Caucasus, Middle Asia and Baltic States. Friburourg, 1998* (ОВО, Series Archaeologica, 17) (реу.: *Malek J.* // DE. 1999. № 44. P. 109–114; *Томашевич О.В.* // ВДИ. 2003. № 1. С. 91–101); *Путь к бессмертию. Каталог выставки / Сост. О.Д. Берлев и др. М., 2002.*

Эпос о Гильгамеше («О все видевшем»). Пер. с аккадского И.М. Дьяконова. М.; Л., 1961 («Литературные памятники»). С. 133–143 (раздел о просодии эпоса и его русского перевода: согласно указанию И.М. Дьяконова, от подготовленного В.К. Шилейко перевода эпоса сохранился только текст VI таблицы, который и опубликован в рецензируемом сборнике).

⁸ Вполне доказательное и не менее интересное предположение о зависимости работы П. Бойлана о божестве Тот (Boylan P. Thoth, the Hermes of Egypt. Oxf., 1922) от хорошо известного отечественным египтологам исследования Б.А. Тураева было сделано О.В. Томашевич (Объяснение в любви... С. 337–338).

⁹ Ср.: *Шилейко. Последняя любовь... С. 62–63* (публикация протокола публичного выступления В.К. Шилейко с докладом по материалу, оформившемуся в эту статью).

происхождения соответствующих ритуалов от практики народов глубочайшей древности (см. особенно с. 84): по сути дела, лишь открытия второй половины XX в., постулировавшие существование в эпоху мезолита праобщностей в ранге языковых макросемей и на более высоком уровне, позволяют подвести под объяснение Шилейко реальную основу.

Очень тесно взаимосвязаны друг с другом и с опубликованными в третьей части сборника документами материалы о египтологах – Б.А. Тураеве (с. 109–121 – с публикацией посвященного ему некролога в «Известиях» и резкого ответа на него его вдовы; автор А.В. Шаров), Т.Н. Бороздиной-Козьминой (с. 122–140, автор – О.В. Томашевич), В.М. Викентьеве (с. 141–172, автор – О.В. Томашевич) и египтологе-самоучке А.В. Живаго (с. 173–197, автор – В.Я. Гельман)¹⁰. Нет смысла пересказывать содержание этих очерков, которые построены на обширной документальной основе и содержат целый ряд малоизвестных подробностей (например, об обстоятельствах гибели первого отечественного переводчика и исследователя «Текстов пирамид» А.Л. Коцейковского – с. 115; о замыслах В.М. Викентьева относительно пополнения клинописного собрания Исторического музея в Москве в 1915–1916 годах, когда русская армия оккупировала восточную часть Малой Азии, – с. 147–148; о формировании коллекции египетских древностей А.В. Живаго – с. 177–179; и др.). Заметим, однако, что авторы этих очерков, стремясь по возможности смягчить «личный фактор» в отношениях между «восточниками», связанными с Музеем, и упоминания о конфликтах в их среде (см., в частности, специальное замечание, предваряющее публикацию отрывков из дневников Живаго, – с. 173), проходят мимо довольно важных выводов о ситуации в отечественном востоковедении начала советского периода. На наш взгляд, Б.А. Тураев и его близкое окружение, включая Т.Н. Бороздину-Козьмину и А.В. Живаго, с одной стороны, и В.М. Викентьев, – с другой, олицетворяли противоположные тенденции в среде отечественной интеллигенции рубежа 1910–1920-х годов. Первая группа востоковедов представляла собой подчеркнуто академическую традицию: для них (хотя, конечно, не для всех) были характерны тяготение к церковной жизни и, в частности, внимание к египетскому и эфиопскому христианству (здесь, к примеру, должны были смыкаться интересы Тураева и Живаго – см. соответственно с. 114–115, 186–187, 194–195); они стояли в стороне от модернистских тенденций русского «серебряного века»¹¹, а подлинное отношение многих из них к новому режиму в тех, судя по всему, нечастых случаях, когда оно получало выход, может быть проиллюстрировано словами Е.Ф. Тураевой-Черетели по поводу публикации в «Известиях» некролога о ее муже: «Чем глубже забудет современность Б.А. Тураева, тем приятнее это будет для его бессмертного духа и тем лучший создаст она ему памятник» (с. 120). Напротив, биография В.М. Викентьева показывает, на наш взгляд, не только его увлеченность русским модернизмом и сопутствовавшими ему мистическим исканиями (с. 144–146 и далее), но и стремление вписать свою египтологическую деятельность в послеоктябрьские годы в тот общий духовный подъем, который ожидали от этой эпохи (и в том числе от сотрудничества с руководителями нового режима, «делающими» эту эпоху) многие представители русской интеллигенции (в связи с этим достаточно вспомнить такую «знаковую» фигуру, как А. Блок)¹². Свою роль в этом должно было сыграть и то, что Викентьев, в строгом смысле слова, не принадлежал к числу учеников Тураева¹³: находясь в университетские годы под руководством И.В. Цветаева (см. с. 142–143), которое, учитывая научные интересы В.М. Викентьева, не могло не быть формальным, он, по сути дела, не был профессиональным египтологом и, по-видимому, с самого начала не вполне вписался в академическую традицию в России. Еще до революции, в декабре 1916 г., В.М. Викентьев выражает сомнение, способен ли такой ученый, как В.В. Струве, «...сочувствовать идее общества (имеется в виду затевавшееся тогда Викентьевым "Общество любителей древностей". – И.Л.), идущего в

¹⁰ О А.В. Живаго и истории его египетской коллекции см. также: А.В. Живаго – врач, лекционер, египтолог / Сост. Н. Живаго, П. Горшунов. Автор вступ. статьи, публикации текстов и ред. В. Гельман. М., 1998.

¹¹ Интересная в связи с этим иллюстрация – отзыв В.В. Струве, безусловно, принадлежавшего именно к этой первой группе, на пьесу по древнеегипетским мотивам, написанную А. Блоком, где фамилия последнего выглядит как «Брок», – указана недавно Г.М. Бонгард-Левиним: *Бонгард-Левин Г.М. А.А. Блок и В.В. Струве // У времени в плену. Памяти С.С. Целеникера. Сб. ст. М., 2000. С. 215–229.*

¹² Заметим, что упадок этого направления послеоктябрьской культурной жизни России (с которым характерным образом совпадает и финал научно-организационной деятельности В.М. Викентьева в Москве) наступает в 1921–1922 гг. – вследствие не только «закручивания гаек» со стороны советской власти, но и такого ее «компромисса с прошлым», неприемлемого для многих представителей данного направления, как деп.

¹³ См., в частности, определенное суждение об этом О.Д. Берлева: *История отечественного востоковедения с середины XIX в. до 1917 г. М., 1997. С. 458.*

курсе современной русской культурной и общественной жизни, т.е. борьбы с немецким влиянием в нашей науке». Учитывая, что под «немецким влиянием» в то время объективно находилась практически вся русская школа изучения древности, эту фразу приходится понять, с одной стороны, как симптоматичную дань ура-патриотической фразеологии времени Первой мировой войны, а с другой стороны, по-видимому, как призыв к противостоянию чисто академической традиции в науке. В 1920 г. «Общество по изучению древних культур», созданное В.М. Викентьевым ранее, становится «Историко-археологическим отделением» в составе «Дворца искусств» – одного из послеоктябрьских учреждений, стремившихся поставить культурную жизнь на новую основу в России и, в частности, вести широкую популяризаторскую деятельность. Крайне показателен состав присутствующих на заседаниях этого «Отделения»: среди них мы видим Андрея Белого (притом в качестве его председателя! – с. 130¹⁴), В.И. Немировича-Данченко и М.И. Калинина, в то время как видные представители собственно академической науки оказались чуть ранее в составе созданного Викентьевым «Общества», похоже, чисто формально и без их прямого согласия (об этом, на наш взгляд, говорит заочное избрание в июне 1920 г. его председателем Б.А. Тураева и почетным членом – М.И. Ростовцева, находившегося с 1918 г. за пределами России, – с. 148–149). Параллельно с организацией названных научных обществ В.М. Викентьев с 1918 г. работает над созданием Музея-института классического Востока (МИКВ, с. 150 сл.; см. также док. № 30–45): здесь новаторство Викентьева проявилось в провозглашении в числе четырех «устоев, или отправных точек», которые будут определять направления работы этого учреждения (по выражению самого его создателя, «музея нового типа») с восточными древностями, помимо науки, также искусства, истории религий и философии. В содержащем эту установку документе Викентьев специально поясняет для несведущих, что «к постижению духа культуры, в точном и высоком значении слова» ведут не «археологические методы», – очевидно, в широком понимании этого термина как совокупности всего инструментария академической гуманитарной науки, – а «более утонченные, умозрительные пути» (док. № 39, с. 348–349).

Мне представляется, что авторы рецензируемого сборника не в полной мере оценили тот факт, что конфликт между «академиками» – прямыми продолжателями дела Б.А. Тураева и «модернистом» в науке В.М. Викентьевым был, по сути дела, задан уже самой разницей в их мировоззрении и представлениях о научной деятельности. Когда же этот конфликт разгорелся с особенной силой по конкретному и очень значительному поводу – в связи с борьбой за голенищевскую коллекцию между МИКВ и Музеем изящных искусств (с. 157 и док. № 50–52), стало ясно, что перевес сил, несмотря на определенную поддержку Викентьева «сверху» (например, при получении ранее для МИКВ ряда египетских коллекций – с. 156, 162, 183), сложился не в его пользу. Публикуемые в рецензируемом сборнике материалы (док. № 47, 49, 52 – с. 353–355, 357) позволяют заключить, что Музею изящных искусств удалось заручиться поддержкой Главмузея и – что, по-видимому, в той ситуации было немаловажным – большинства российских египтологов, собравшихся летом 1922 г. на их первый (и единственный) съезд, и переломить ситуацию в борьбе с МИКВ за голенищевскую коллекцию в свою пользу. Парадоксальным образом событие, которое можно было бы считать большой победой В.М. Викентьева, – его назначение в 1924 г. заведующим Восточным отделом Музея изящных искусств, куда теперь переводилась коллекция МИКВ (с. 161–164; см. особенно его письмо в Главнауку от 17 марта 1924 г., в котором звучат глубокое недовольство и горечь в связи с принятым решением, – с. 163–164), оказалось, похоже, одним из существенных факторов в решении Викентьева навсегда остаться в Египте (где его жизнь, по крайней мере на первых порах, была не столь уж легкой: см. то же письмо, а также одну из открыток к В.И. Авдиеву¹⁵): по-видимому, он слишком отчетливо представлял себе нереальность своей совместной работы с Т.Н. Бороздиной-Козьминой и ее сотрудниками, в числе которых теперь был и его прежний заместитель по МИКВ В.И. Авдиев¹⁶. Разу-

¹⁴ Ср. с указаниями переписки Андрея Белого с В.М. Викентьевым об их достаточно близком знакомстве (с. 170, прим. 30) и мемуарными свидетельствами о всплывавших в 1920 г. в беседах Андрея Белого с Н. Гумилевым и Г. Ивановым сюжетах египетской мифологии, которые едва ли могли быть ему известны иначе как через посредство В.М. Викентьева: *Одоевцева И.* Избранное. М., 1998. С. 287–288, 294.

¹⁵ *Соловьева.* Загадка монограммы «W» // Древний Египет. С. 252.

¹⁶ Симптоматично, что первая заметная египтологическая работа В.И. Авдиева «Древне-египетская реформация» (М., 1924) появилась уже после его перехода в Музей изящных искусств при участии брата Т.Н. Бороздиной-Козьминой – И.Н. Бороздина, бывшего ее редактором и автором предисловия: *Архипова С.В.* Всеволод Игоревич Авдиев и его время: начало научной деятельности // Древний Египет. С. 241–242.

меется, трудно настаивать на предложенной нами интерпретации этих событий конца 1910-х – начала 1920-х годов без знакомства со всем массивом относящихся к ним документов, которые были доступны авторам рецензируемого сборника; тем не менее недооценивать при их приведении в систему отмеченные нами моменты также представляется неверным.

Среди частных упущений в очерках о египтологах, связанных с Музеем в 1910–1930-е годы, укажем на отсутствие сведений о судьбе Т.Н. Бороздиной-Козьминой в течение почти трех десятилетий ее жизни после ухода из Музея, в 1931–1959 годах (см. с. 137); место этой ученицы Б.А. Тураева в жизни Музея в 1920-е годы было столь велико, что этот заключительный этап ее биографии, несомненно, заслуживает хотя бы краткого упоминания, сколь малодоступными ни были бы сведения о нем. Особняком от биографий исследователей-египтологов стоит очерк Б.Я. Ставиского об А.С. Стрелкове – работавшем в Музее изящных искусств в 1920-е – начале 30-х годов специалисте по Средней Азии, жизнь которого трагически оборвалась в 1938 г. (с. 198–215).

Среди персоналий сотрудников восточной коллекции Музея в период с 1940-х годов и до конца XX в. наибольшее внимание уделено возглавлявшему с 1934 г. Отдел Востока (в первые два года – Отдел древнего мира) В.В. Павлову. Очерк, написанный Н.М. Никулиной (с. 216–245), удачно совместил в себе рассказ о нем как ученом и преподавателе, о его широких интересах и ее личные воспоминания. Анализу вклада В.В. Павлова в изучение древнеегипетского искусства посвящена статья О.П. Дожовой (с. 246–255); фрагменты личных воспоминаний о В.В. Павлове принадлежат В.В. Леоновичу и В.В. Шлееву (с. 256–264). Очерк С.С. Соловьевой о В.И. Авдиеве (с. 270–278) дает представление не только о его работе в ГМИИ в 1920–1930-х годах, но и о других сторонах его научной биографии на протяжении всей жизни ученого (в частности, о работе на кафедре истории древнего мира исторического ф-та МГУ) и о его художественных увлечениях, включая принадлежащую его перу лирику (к сожалению, в этом очерке сказано совсем немного о работе Авдиева в МИКВ, предшественницей и напрямую связанной с его работой в ГМИИ¹⁷). Удачным можно назвать очерк В.В. Смоленковой о Р.И. Рубинштейн – представительнице ленинградской египтологической школы, связавшей свою жизнь и работу с Москвой и египетской коллекцией ГМИИ: ее научная деятельность (исследования о I Переходном периоде, древнеегипетской религии и связанных с нею памятниках) оценена в этом очерке в неразрывной связи со специфически музейной работой (изданием памятников, работой над каталогом египетской коллекции¹⁸, популяризаторской деятельностью). О.Д. Берлев был еще одним ленинградцем, тесно связанным с ГМИИ своими трудами по публикации памятников его египетской коллекции буквально до последних дней жизни (и в свое время он крайне неравнодушно отнесся к упразднению Отдела Востока как самостоятельной структурной единицы в составе Музея; см. док. № 129 – с. 423–424) (автор очерка – С.И. Ходжаш, с. 265–269).

Ряд вошедших в рецензируемый сборник очерков содержит малоизвестные сведения о советских египтологах «второго плана», по тем или иным причинам не успешных или не сумевших занять сколько-нибудь заметное место в историографии (а иногда и пройти такие формальные этапы научной карьеры, как защита диссертации и даже дипломной работы): это хранитель и реставратор Отдела Востока Л.В. Крылова (1890–1954) (автор очерка – В.В. Смоленкова, с. 286–292); Н.А. Шолло, погибший под Ленинградом в 1941 г. (о нем говорится в очерке о его жене Р.И. Рубинштейн – с. 297); получившая египтологическую подготовку в МИКВ и работавшая в ГМИИ с 1934 г. до своей смерти в 1944 г. Е.Н. Краснушкина (с. 292–294, автор – С.И. Ходжаш); Н.Е. Семлер-Соколова (1911–1995), которую египтологи знают по продолжавшимся на протяжении многих лет публикациям в «Вестнике древней истории» аннотаций на новую научную литературу и в меньшей степени – по ее высокопрофессиональным прорисовкам в публикациях памятников египетской коллекции ГМИИ (ее судьба сложилась тяжело из-за ареста в 1949 г.; автор очерка – Э.А. Усина, с. 309–313). Легко заметить, что большинство очерков по персоналиям сотрудников восточной коллекции ГМИИ в середине – второй половине XX в. посвящено египтологам (учитывая центральное положение в этой коллекции голенищевского собрания, такое соотношение можно считать оправданным); единственное исключение – это очерк о специалисте по искусству Месопотамии И.М. Лосевой (1908–1959) (автор – С.И. Ход-

¹⁷ Соловьева. Загадка монограммы «W» // Древний Египет. С. 247–254; Архипова. Всеволод Игоревич Авдиев... // Там же. С. 238–241.

¹⁸ Стоило бы обратить внимание, что фактически последней посмертной публикацией Р.И. Рубинштейн стал вышедший в свет в 2002 г. каталог выставки «Путь к бессмертию»: в нем раздел «Ушебти» воспроизводит составленный ею каталог соответствующей части египетской коллекции ГМИИ, с незначительными коррективами О.Д. Берлева (Путь к бессмертию... С. 103–152).

жаш, с. 281–285), которая в 1950-е годы начала работу в археологической экспедиции Музея на холме Арип-берд близ Еревана (урартская крепость Эребуни). Очерк о А.А. Демской фактически посвящен двум направлениям ее работы в Музее – участию в раскопках Эребуни на рубеже 1950–1960-х годов и исследованиям истории коллекций ГМИИ (автор – С.И. Ходжаш, с. 304–308). Наконец, в нескольких очерках, написанных С.И. Ходжаш, внимание уделено, как уже упоминалось, людям, вовсе не имевшим востоковедческой подготовки, но долгое время связанным с Музеем и его восточной коллекцией, – Б.Я. Стрельцов, В.Я. Симонову и М.Д. Дорфману (с. 314–321). Мы уже отмечали, что по сравнению с материалами о 1910–1930-х годах очерки, относящиеся к середине – второй половине XX в., «проработаны» авторами сборника на архивном материале в меньшей степени (как правило, они написаны с использованием публикаций в научных изданиях и периодике и лишь единичных документов из архивов ГМИИ); в то же время их авторы (особенно С.И. Ходжаш) очень часто опираются на личные впечатления от общения с героями этих очерков, что придает им самостоятельное мемуарное значение. На фоне большинства материалов, вошедших в эту часть рецензируемого сборника, проигрывает очерк, посвященный Б.П. Деннике (1985–1941) (автор – С.И. Ходжаш, с. 279–280); он настолько краток, что, по сути дела, не дает адекватного представления о научной деятельности ученого и его работе в Музее.

Характеризуя третью часть рецензируемого сборника – подборку архивных материалов, нужно отметить, что в отличие от сборника 1987 г. (см. наше прим. 2), в который вошли не только деловая, но и практически неотделимая от нее научная переписка между основателями Музея и его восточной коллекции, данная подборка включает в основном рабочие документы, явно или неявно сгруппированные по значимым этапам истории восточной коллекции в XX в. (Музей и Первая мировая война – № 7–11, Музей и октябрь 1917 г. – № 12–14, взаимоотношения с МИКВ в начале 1920-х годов – № 30–45, Отдел Востока в годы Великой Отечественной войны – № 82–90, реконструкция экспозиции восточной коллекции в середине 1960-х годов – № 114–119, ликвидация Отдела Востока в 1986–1987 годах – № 127–130 и др.). Эти документы тесно пересекаются с содержанием вошедших в сборник очерков, отчасти повторяя их (многие из них цитируются авторами этих очерков); однако такое дублирование кажется не только неизбежным, но и достаточно оправданным. Стоит обратить внимание на некоторые документы, связанные с историей изучения отдельных памятников восточной коллекции ГМИИ, например, знаменитого Московского математического папируса (док. № 49 – с. 355: этот документ особенно ценен тем, что выявляет вклад Б.А. Тураева в научную работу над изданием этого текста, как известно, завершённую В.В. Струве, и определенный импульс к его публикации в Германии со стороны Л. Борхардта¹⁹; ср. с. 160), иератического папируса ГМИИ № 120 с текстом «Путешествия Уну-Амона» (док. № 103 – с. 402: письмо И.М. Лурье, привлекающее внимание к выполненному им переводу данного текста²⁰, который остается в тени по сравнению с его нормативной публикацией М.А. Коростовцевым²¹), фрагментов папирусов с литературными текстами, еще в начале XX в. переданных В.С. Голенищевым А. Гардинеру и возвращенных из Англии частично лишь в середине 1950-х годов (док. № 106–108 – с. 404–405)²², и клинописной таблички ГМИИ № I.2.б.1725, опубликованной С.Н. Крамером с предисловием В.В. Струве (док. № 109 – с. 406)²³.

Завершающие сборник «Материалы по библиографии» оказываются весьма ценным приложением, позволяющим сориентироваться в значительной (скорее всего, большей) части имеющейся на сегодняшний день литературе по восточной коллекции ГМИИ. На наш взгляд,

¹⁹ Mathematischer Papyrus des Staatlichen Museums der schönen Künste in Moskau / Hrsg. und Komment. von W.W. Struwe. В., 1930 (Quellen und Studien zur Geschichte der Mathematik / Hrsg. von O. Neugebauer, J. Stenzel und O. Toeplitz. Abt. A. I). Об участии в этой публикации также и Ю.Я. Перепелкина см. *Вассоевич. О Юрии Яковлевиче Перепелкине... // Перепелкин. История Древнего Египта. С. 14–15.*

²⁰ См. его публикацию с кратким комментарием: Хрестоматия по истории древнего мира / Под ред. В.В. Струве. Т. 1. Древний Восток. М., 1950. С. 115–121.

²¹ Путешествие Ун-Амона в Библ. Египетский иератический папирус № 120 Государственного музея изобразительных искусств им. А.С. Пушкина в Москве / Изд. текста и иссл. М.А. Коростовцева. М., 1960 (Памятники литературы народов Востока. Тексты. Большая серия. IV).

²² См. *Caminos R.A. Literary Fragments in the Hieratic Script. Oxf., 1956; idem. A Tale of Woe: From a Hieratic Papyrus in the A.S. Pushkin Museum of Fine Arts in Moscow. Oxf., 1977; idem. The Moscow Literary Letter // Fragen an die altägyptische Literatur: Studien zum Gedenken an Eberhard Otto. Wiesbaden, 1977. S. 147–153.*

²³ *Крамер С.Н. Две элегии на табличке музея им. А.С. Пушкина. Новый шумерский литературный жанр. М., 1960 (предисловие В.В. Струве, с. 5–9).*

этот библиографический компендиум выиграл бы, если бы в его рамках были собраны в особый раздел нормативные научные публикации памятников (сейчас они не отделены от исследований с более общими задачами: с. 430–449). Нельзя не отметить и некоторые бросившиеся в глаза некоторые упущения его составителей: так, в него не вошло «знаковое» для работы ГМИИ в 1990-е годы издание свода древнеегипетских памятников из местных собраний бывшего СССР (см. прим. 6), а также указанные выше публикации В.В. Струве (прим. 22), Р. Каминуса (прим. 25) и С.Н. Крамера (прим. 26). В то же время составители данных «Материалов...» специально оговорили их предварительный характер на пути к созданию полной библиографии восточной коллекции ГМИИ; надо думать, что в ней эти и, возможно, иные, не замеченные нами несовершенства будут устранены.

Понятно, что сборник «Памятники и люди» не свободен от отдельных ошибок, небесспорных суждений его авторов. Не вполне корректно утверждение, что брошюра Т.Н. Бороздиной-Козьминой о древнеегипетском танце (1919 г.) была «первым обращением к этой теме» в мировой историографии (с. 129): еще за 7 лет до этого появилась небольшая работа Х. Кееса, хотя и посвященная более узкому, ритуальному аспекту древнеегипетского танца, но, скорее всего, известная ученице Б.А. Тураева и использованная ею²⁴. Вряд ли можно согласиться с присутствующим в очерке о В.И. Авдиеве определением его достаточно описательной работы «Древнеегипетская реформация» и тем более цикла его статей 1960–1970-х годов о внешних связях древнего Египта как «монографий» (с. 273, 276), особенно на фоне его действительно фундаментального двухтомного труда «Военная история древнего Египта» (1948 и 1959 гг.). Из замеченных нами опечаток самым вопиющим огрехом оказывается повторяющаяся в сборнике неоднократно транскрипция имени владельца хорошо известной заупокойной стелы I. I. a. 5603 как «Хунену» вместо «Хенену» (на с. 10 она, кроме того, отнесена к правлению XII династии, в то время как О.Д. Берлев датировал ее с наибольшей вероятностью царствованием Ментухотепа I или II, т.е. временем XI династии²⁵).

В то же время эти и другие, уже упоминавшиеся выше неточности рецензируемого сборника не меняют, безусловно, очень положительного суждения о нем в целом. Некоторые из помещенных в нем материалов (прежде всего публикации Вяч. Вс. Иванова о В.К. Шилейко и О.В. Томашевич – о Т.Н. Бороздиной-Козьминой и В.М. Викентьеве) можно по их значению в исследовании истории отечественного востоковедения назвать, без преувеличения, уникальными. Сборник дает много новой информации и пищи для размышлений не только специалистам, но, по сути дела, всем интересующимся отечественной культурой XX в. и вкладом в нее ГМИИ им. А.С. Пушкина. Надо надеяться, что Музей и в будущем продолжит изучение своей истории на материале архивных фондов – в том числе и при участии нынешних авторов сборника «Памятники и люди».

И.А. Ладынин

© 2005 г.

P.J. RHODES. Ancient Democracy and Modern Ideology. London: Duckworth, 2003 (Duckworth Classical Essays). 142 p.

Книга П.Дж. Родса формально посвящена истории изучения афинской демократии, причем в контексте современных идеологических концепций и представлений. В действительности ее предмет – методология истории, причем важно то, что автор не штатный «методолог», а ведущий английский историк-антиковед, составитель комментариев к «Афинской политике» и «Афинского буле», издатель сборников греческих надписей и декретов.

В I главе «История» П.Дж. Родс высказывает свои взгляды на историческое исследование. «История – это много больше, чем список имен и событий, однако она в самом фундаментальном смысле связана с жизнями, которые прожили реальные люди в определенных местах в определенное время» (с. 9). История создается людьми, причем это положение приложимо и к реальным историческим событиям, и к интерпретации этих событий историками (с. 10). Однако реконструкция историка ограничивается тем, что реально произошло в прошлом (речь

²⁴ Kees H. Der Opfertanz des ägyptischen Königs. Lpz, 1912.

²⁵ Hodjash, Berlev. The Egyptian Reliefs and Stelae... P. 67.